

— Да, Казекаге-сама.

— У меня есть для тебя одно предложение.

Девушка опустила взгляд, чтобы посмотреть в невыразительные глаза своего отца и вопросительно наклонила голову.

— Завтра я уезжаю в Конохагакуре по дипломатическим делам. — Раса сделал паузу, заметив, что фигура Темари стала еще более напряженной при упоминании союзной деревни, и ему показалось, что она изо всех сил пытается подавить вздох.

— Ты можешь пойти со мной, если захочешь. — Предложил он.

Возможно, как отец он не состоялся отца и превратил одного из своих детей в оружие «ради защиты деревни», но Раса хотел, по крайней мере, убедиться, что двое других его детей в конечном итоге заполучат свой кусочек счастья.

Даже если это означало подружиться с шиноби из другой деревни.

С Канкуро было легко. Купи ему гору кукольных деталей и бесконечный запас женской косметики, и он получит все необходимое для жизни.

С Темари было сложнее, так как она отгородилась от всех в Суне, и, хотя у нее была относительно комфортная жизнь члена правящей семьи, она не была счастлива. Первый и единственный раз, когда он увидел на ней по-настоящему искреннюю улыбку после смерти своей жены, был, когда она возвращалась к главным воротам с белокурым мальчиком.

Каким-то образом Узумаки Наруто смог немного вытащить ее из многолетней скорлупы всего за несколько часов.

Казекаге решил, что стоит предложить ей шанс вернуться в Коноху и решить проблему.

Раса наблюдал, как бирюзовые глаза Темари слегка расширились.

Внешне она оставалась стойкой, но внутри все было совсем по-другому. Ее эмоции прибывали в смятении, пока она обдумывала открывшуюся возможность.

Если бы она приняла предложение отправиться вместе с отцом, она смогла бы найти Узумаки Наруто и извиняться перед ним до тех пор, пока он не простит ее.

И все же что-то удерживало ее от того, чтобы сразу согласиться. Прошло почти три года.

Конечно, он уже забыл о ней, хотя она этого не сделала. Даже если бы это было не так, у него не было причин прощать ее. Вместо этого он мог бы возненавидеть ее за задетые в тот день чувства. Не говоря уже о той Хьюге... У Темари было ощущение что они больше чем просто друзья.

Как отреагировала бы она?

Девушке также было стыдно признаться, что она все еще опасалась общаться с джинчурики Девятихвостого.

Она продолжала накладывать образ брата-психопата на образ Наруто и подсознательно говорила себе, что должна бояться находиться рядом с блондином.

Так же сильно, как она хотела вернуться в Коноху, хотя бы для того, чтобы извиниться, она опасалась того, что ее там ждало.

Наконец, после долгой минуты молчания, она приняла решение и открыла рот с мыслью принять приглашение.

— Мне жаль, Казекаге-сама. Благодарю вас за предложение, но я почтительно отказываюсь.
— Она была удивлена и ошеломлена тем, что сорвалось с ее губ, но было слишком поздно брать слова обратно.

Сабаку вдруг почувствовала себя трусихой, как мужчины этой деревни, которых она обычно высмеивала. Легкое прищуривание глаз отца при ее ответе только усилило душевный удар.

— Ясно. Я уеду рано утром, так что не надейся увидеть меня здесь на следующей неделе. Пожалуйста, передай это своим братьям, если сможешь. Ты свободна. — Холодно ответил он.

Девушка выглядела так, как будто хотела сказать что-то еще, но спустя мгновение вновь натянула стоическую маску и развернулась, чтобы уйти.

Голос отца остановил ее у двери.

— Темари, я могу столкнуться с мальчиком Узумаки. Мне что-нибудь ему передать?

Сабаку долго стояла в дверях.

Услышав это имя, большая часть ее сознания начала кричала о желании вернуться в Коноху, или, по крайней мере, отправила сообщение Наруто, но по какой-то причине девушка предпочла слушать меньшую и трусливую часть себя, которая просто хотела зарыть голову в песок и спрятаться от всего мира.

Темари молча покачала головой, прежде чем медленно выйти и закрыть за собой дверь, едва не плача и испытывая сильнейшее отвращение к самой себе.

Раса вздохнул и потер веки.

«Она так похожа на свою мать... такая же упрямая и глупая. Они обе скорее погрязнут в сожалениях, чем попытаются добиться чего-то. Интересно, стала бы Карура-тян сильнее сопротивляться предложению Двух Старейшин сделать Гаару сосудом Ичиби, если бы она не чувствовала себя обязанной деревне из-за ошибок, которые совершила в прошлом? Зачем я вообще поддержал тогда это порочное решение?!»

Просидев долгое время, глядя из окна кабинета на деревню, мужчина пришел к решению.

Он повернулся к столу и вытащил чистый свиток, чтобы записать, что ему нужно сделать для плана, который он придумал в своей голове.

«Я был дерьмовым отцом, но кое-что еще могу сделать для дочери. Вероятно, потребуется некоторое время, чтобы задумка осуществилась, но я думаю, что в конце концов она сочтет это благословением. Надеюсь она не будет слишком долго проклинать меня, прежде чем смирится с положением вещей.»

Примерно в то же время в квартале Хьюга

То же утреннее солнце тепло освещало большой открытый уголок для завтрака роскошного и со вкусом оформленного дома главы клана Хьюга.

Внутри укромного уголка стоял небольшой уютный прямоугольный обеденный стол, используемый для завтраков, большинства обедов и перекусов.

Глава клана Хьюга, Хиаши, сидел за ним спиной к солнечному свету, молча читая ежедневные отчеты.

Хината и Ханаби сидели слева от него, Наруто справа, а Томоэ расположилась напротив блондина.

Томоэ была членом побочной ветви, лично выбранной Хиаши в качестве няньки для Хинаты и Ханаби после смерти Хитоми. Девочки обожали ее, а Хиаши уважал, поэтому женщина считалась частью семьи во многих отношениях, в том числе ела с ними на равных.

Семья с удовольствием завтракала супом мисо, скумбрией и приготовленным на пару рисом с чаем.

Это было счастливое и обыденное утро для всех, кроме Наруто, который, казалось, получил несколько холодный прием от Хиаши.

Красивая и озорная Томоэ была только рада указать на это для собственного развлечения.

— Ара, ара... кажется, вы снова что-то натворили, Наруто-сама, заслужив гнев моего господина. — Невинно заметила она, даже не потрудившись спрятать чеширскую ухмылку за левой рукой.

Паренек продолжил молча есть, подергивая бровью.

Хината и Ханаби делали все возможное, чтобы поесть, борясь с собственным весельем, в то время как их отец продолжал молча читать отчеты своего клана.

Наруто наконец закончил завтрак и официально положил палочки для еды на пустую тарелку и медленно вытер рот салфеткой, его бровь все еще подергивалась, к большому удовольствию присутствующих женщин.

Было забавно наблюдать, как их любимый блондин пытается игнорировать все вокруг, а не реагировать, как делал обычно.

Аккуратно сложив салфетку и положив ее на стол, Наруто громко вздохнул.

— Да, похоже, я заслужил гнев господина Хьюги, и это разбивает мне сердце, Томоэ-сан. Однако я не могу понять, что сделал не так. Я верю, что смогу решить эту проблему с помощью трех вопросов. — Он говорил четко и официально, закрыв глаза и глядя прямо перед собой, из-за чего Хината и Ханаби почти не могли сдерживать хихиканье.

Единственной реакцией неподвижного Хиаши было легкое шевеление бумаги в руках.

— Во-первых, я был бы польщен, если бы вы позволили мне кое-что спросить у вас, моя прекрасная леди. — Плавным начал Узумаки, открыв глаза и полностью повернувшись лицом к Томоэ.

Служанка мило покраснела и хихикнула в ответ на комплимент, прежде чем кивнуть.

Сестры держались за бока, стараясь не рассмеяться.

— У меня есть предположение и примерное понимание причины, по которой господин Хиаши гневается на меня. Пожалуйста, просветите меня, какая неделя этого месяца, Томоэ-сан?

Глава понял, к чему клонит Наруто, так как на этот раз бумага в его руках дрогнула более заметно, а брови слегка нахмурились.

— Ара, я полагаю, четвертая неделя месяца. — Беззаботно ответила Томоэ.

Она знала, что происходит под кожей Хиаши, но было забавно видеть, как ее господин немного нервничает.

Паренек переключил свое внимание на хихикающую Ханаби, которая внезапно замолкла под его пристальным взглядом и изо всех сил старалась выглядеть чопорной и правильной, даже когда ее губы подергивались, пытаясь сдержать улыбку.

<http://tl.rulate.ru/book/65076/1780678>